

**К ВОПРОСУ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ
ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. –
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

Во второй половине XIX – начале XX вв. народы Восточной Сибири вступили в фазу пусть экстенсивного, поверхностного, но тем не менее, довольно сильного «облучения» русской культурой. Непосредственное общение с русскими, европейские товары, производственные навыки, деятельность миссий и школ – все это, несомненно, факторы тогдашнего культурного «облучения» сибирских аборигенов.

Периоду промышленной эксплуатации Сибири соответствовала и особая ситуация в воспроизводстве духовных условий жизни бурят, хакасов, якутов, связанная с частичной деградацией традиционных социальных и духовных связей, с приспособлением всего мыслительного и психического аппарата аборигена к новым жизненным реальностям.

Система колониального управления Сибирью, в особенности в нижнем и отчасти в среднем его звене, требовала привлечения в свои рамки «инородцев», наделенных, по крайней мере, минимумом общей образованности и конкретных профессиональных навыков (управленческий, медицинский персонал, учителя, низшее духовенство и др.).

Более того, царское правительство было заинтересовано в создании особого контингента коренных жителей, которые могли бы служить своего рода культурными посредниками между правительством и аборигенными народами, а также могли стать живым и убедительным примером преимущества «нового» образа жизни. Интерес представителей этого относительно немногочисленного контингента к политико-правовым и религиозным традициям Европы способствовал проникновению к народам Сибири передовых идей.

В начале XX в. в высших учебных заведениях Европейской России обучалось около 30 бурят, примерно такое же количество было от хакасов и якутов [1]. Из их среды вышли следующие талантливые ученые: Богданов М. Н., Жамцарано Ц. Ж., Катанов Н. Ф. и др.

Уроженец Идинского ведомства Иркутской губернии Михаил Николаевич Богданов (р. 1878) грамоту постиг у ссыльного поселенца-поляка, учился в училищах г. Иркутска и в 1898 г. окончил Казанский учительский институт. Незаурядные способ-

ности и жажда знаний привели его в Томский, Петербургский, Берлинский и Цюрихский университеты, где он пребывал в качестве студента-вольнослушателя. А затем он прослушал специальные курсы по кооперации в университете Шанявского. Богданов М. Н. явился основоположником исторического бурятоведения, автором более 50 научных трудов. Историко-экономические изыскания необходимы были ему для того, чтобы понять исторический путь, пройденный его народом, его современное состояние, происходящие в обществе социально-политические и этнокультурные процессы, обрисовать перспективы будущего. Его интересовали не одни вопросы бурятской жизни, но и вопросы сибирского, российского и мирового значения [2].

Цыбен Жамцарано (р. 1881) родом из агинских бурят Забайкальской области. Начальное образование получил в Читинском трехклассном училище, затем обучался в Санкт-Петербурге, в гимназии, основанной Петром Бадмаевым. В 1902 г. поступил в Санкт-Петербургский университет. Здесь он занимался по многим научным дисциплинам. Слушал лекции по востоковедению и философии, по праву и языкознанию. Посещал лекции и семинары на естественных факультетах, поскольку готовил себя к просветительской деятельности в широком смысле этого слова. Но была у него наиболее близкая область знаний – это фольклористика, научные приемы и методы записи произведений устного народного творчества. В ходе многочисленных экспедиций в Иркутскую губернию, Забайкальскую область, а также Монголию Ц. Жамцарано собрал богатейшие фольклорные, этнографические, лингвистические, археологические и другие материалы и коллекции по бурятам и монголам, которые поступили затем в архивы и музеи Петербурга [3].

Интересным и своеобразным был творческий рост хакаса Н. Ф. Катанова. Еще будучи гимназистом Красноярской классической гимназии, он собрал языковые, фольклорные и этнографические материалы о сагайцах, к которым принадлежал сам. С 1884 по 1888 гг. он учился на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, участвовал в различных экспедициях в Сибирь и Восточный Туркестан. Дальнейшая научная деятельность Н. Ф. Катанова развернулась в Казанском университете, где с 1898 по 1914 гг. он был председателем общества археологии, истории и этнографии. Этот первый хакасский профессор уделял большое внимание изучению условий жизни и быта хакасов, их расселению, происхождению, административному уст-

роиству, особенностям хозяйственного развития, этническому составу и верованиям [4].

Были и среди представителей коренного населения Сибири собиратели материалов по этнографии и фольклору. Особенно много было таковых среди бурят Иркутской губернии, наиболее интенсивно «облученных» русской культурой. Хотелось бы в первую очередь упомянуть М. Хангалова и П. Баторова. Талантливый педагог М. Н. Хангалов в конце XIX – начале XX вв. собрал и опубликовал более 150 фольклорных текстов – сказок, улигеров, шаманских мифов [5], был активным членом ВСОРГО.

Другим его активистом был тайша Аларского ведомства П. П. Баторов, который, помимо исполнения своих обязанностей, собирал коллекции по бурятскому быту [6].

Среди других исследователей конца XIX – начала XX вв. необходимо отметить: бурят Г. Цыбикова (востоковед) и братьев А. и П. Бадмаевых (специалисты по тибетской медицине); хакаса С. Майнагашева (этнограф); якута А. Кулаковского (филолог). Работу подвижников из среды аборигенов всячески поддерживали известные общественные деятели Сибири: Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Н. Н. Агапитов и др.

Ярким примером включения представителей сибирских народов в революционное движение в конце XIX – начале XX вв. может служить деятельность якута Константина Гавриловича Неустроева. Окончив Петербургский университет в 1881 г., он прибыл в г. Иркутск, где занимался педагогической деятельностью. В том же году он организовал в городе народовольческий кружок. Его члены во главе с Неустроевым вели среди населения активную революционную пропаганду [7].

В 1882 г. К. Г. Неустроев был арестован и заключен в тюрьму. Но суд «за недостатком улик» постановил его освободить. Прошло 4 дня после судебного решения. Неустроев по-прежнему находился в заключении. Явившийся в тюрьму генерал-губернатор Анучин вошел в камеру к Неустроеву и принялся оскорблять его. В ответ на это Неустроев нанес пощечину генерал-губернатору. Состоявшийся новый суд приговорил Неустроева к казни, которая состоялась в ноябре 1883 г. [8].

Хотелось привести некоторые штрихи к биографии известного общественного деятеля П. А. Бадмаева. Жамсаран Бадмаев родился в 1842 г. в улусе Табтанай Агинской степной думы. Его старший брат Сультим находился в Петербурге и занимался там частной практикой в области тибетской медицины. К нему при-

был Жамсаран, окончивший с золотой медалью Иркутскую классическую гимназию. По примеру брата Сультима (Александра) он принял православие и с ним новое имя Петр. В 1871 г. Петр Бадмаев поступил на восточный факультет Петербургского университета, а в 1875 г. окончил его с отличием [9].

В том же году он был принят на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Деятельность Бадмаева в этом Министерстве была тесно связана с внешней политикой России в Центральной и Восточной Азии. Он побывал в Монголии, Китае, Тибете. Ему было присвоено звание действительного статского советника. Кульминационным моментом в деятельности П. Бадмаева являлось представление царю Александру III записки о задачах русской политики на азиатском Востоке. Автор записки предлагал план, реализация которого, по его замыслам, должна привести к установлению русского господства в странах «китайско-монгольско-тибетского Востока» [10].

С 1895 г. П. Бадмаев начал издавать газету «Жизнь на Восточной окраине» на монгольском и русском языках. Он активно выступал как общественно-политический деятель, участвовал в работе различных общественных организаций. По убеждениям он был сторонником монархии. Опубликовал ряд работ по вопросам внешней политики России на Азиатском континенте.

Наряду с этим, П. Бадмаев успешно занимался благотворительно-просветительской деятельностью. Учредил на восточном факультете Петербургского университета две стипендии для бурят, содержал в Петербурге собственную гимназию, где обучались бурятские мальчики. Последнее десятилетие своей жизни П. А. Бадмаев посвятил полностью тибетской медицине, где достиг серьезных успехов [11]. Он внес огромный вклад в популяризацию врачебной науки Тибета в России. П. Бадмаев решительно поддерживал своих сородичей в их борьбе за сохранение ими «породных земель». Вместе с тем он выступал против насильственных методов борьбы.

Усвоение частью аборигенной интеллигенции элементов европейского образа жизни не могло в условиях национального неравноправия избавить ее от статуса «иностранцев». Драма людей, отчасти оторвавшихся от собственной традиционной почвы и дискриминируемых «цивилизаторами», исторически оказалась источником новых форм духовной и политической активности, источником поисков интеллигентами новых форм контактов с собственными народами.

Прибегая к европейским методам обобщения и концептуализации, широко заимствуя круг идей и методов европейского «социального критицизма», ряд представителей аборигенной интеллигенции (Жамцарано Ц. и др.) развивали мотивы возвращения к «потерянному раю» – культуре «почвенной», где человек мог бы слиться с общинностью, этнокультурным коллективом.

Интеллигент из среды бурят, хакасов, якутов впитывал европейский образ жизни. Он усваивал при этом новые вкусы, взгляды, мораль, и склад ума. Все это вступало в сложное взаимодействие со вкусами, этическими принципами, представлениями, которые он усваивал с детства, которые сохранялись среди его родных, господствовали в его окружении. Возникал своеобразный тип индивида, который в культурном отношении представлял две нации (пример: Богданов М. Н., Катанов Н. Ф. и др.).

Находя в усвоении и распространении европейской культуры залог прогресса для своей страны, своего народа, отчетливо видя в ней воплощение достижений человеческого разума, в то же время «инородческий» интеллигент сначала инстинктивно, а затем все более сознательно противился ассимиляции, понимая, что это часть колониального закрепощения. Он обращался к традиционному образу жизни, чтобы превратить его в средство опоры духовному порабощению.

В конце XIX – начале XX вв. традиционная система продолжала в целом доминировать в образе жизни аборигенов Восточной Сибири. В зону инновационного поведения было втянуто сравнительно небольшое количество бурят, хакасов, якутов, имевшее сравнительно широкий круг общения вне традиционной среды.

Примечания

1. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 451.
2. Богданов М. Н. Бурятское «возрождение» // Сиб. вопр. 1907. № 3. С. 46.
3. См.: АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Жамцарано Ц. Ж. Оп. 1. Д. 43. Л. 91.
4. См.: Иванов С. Н. Н. Ф. Катанов. Очерки жизни и деятельности. М., 1973. С. 27.
5. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 1995. С. 327.
6. Там же. С. 328.
7. Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск, 1971. С. 121.
8. Там же. С. 122.
9. Доктор Бадмаев: тибетская медицина, царский двор, советская власть. М., 1995. С. 10.
10. Там же. С. 13.
11. Там же. С. 16–22.